ВЫСТАВКИ

САД ЭДЕМА

Александр Ларионов... Кажется, сегодня это имя уже нет необходимости представлять гродненцам, для которых открытие его творчества состоялось пять лет назад большой персональной выставкой. Затем почти четырехлетний перерыв, во время которого Александра принимали Друскининкай, Шяуляй, Москва и города Подмосковья (в Москве и сегодня проходит его выставка). Летом прошлого года в Республиканском музее атеизма и истории религии прошла небольшая по объему, но весьма содержательная экспозиция пейзажных миниатюр Ларионова «Календарь». Уже по этим выставкам и откликам о них можно судить, что Александр Ларионов понят и принят, что его творчество полюбилось гродненцам, что встречи с ним ждут.

И когда эта новая встреча, наконец, состоялась, когда спешишь в знакомый зал, то самое первое ощущение: ожидание тебя не обмануло. Ты вновь окунулся в чарующий, захватывающий мир фантазии Александра Ларионова, но фантазии реальной, наполненной узнаваемой конкретикой (именно эту улитку ты сам не раз примечал в траве, прогуливаясь по лесу; именно так — настороженно и с любопытством — уставлял на тебя «зрачок-вопрос» незнакомый по названию нежно-розовый цветок). Но это все ожидаемые неожиданности, их впитываешь охотно, наслаждаясь богатейшим колоритом ларионовских букетов (по большей части из сухих, но таких живых, вернее, одухотворенных цветов), вдыхая чистый, ничем не замутненный воздух, насыщающий его работы...

Но уже после самых первых шагов от одной картины до другой начинаешь подозревать, что этот мир не столь прост и однозначен, что художник рассказывает тебе о нем нечто новое, более глубокое и тонкое, незнаемое доселе, постижение мира самим художником продолжается.

И первая же попытка осмысления этого мира наводит на мысль о саде Эдема, о благородном уголке земли, в котором мифические прародители человечества пребывали до грехопадения, в этой мысли укрепляешься, рассматривая диптих, которым, в сущности, открывается выставка, и который так и называется — «Прародители» (1987). Адам и Ева изображены до своего «грехопадения», они еще не выделили сами себя из природы (и даже из растительного царства), только-только начинают приглядываться друг к другу, но если Ева смотрит открыто и доверчиво, она вся — ожидание и надежда, то взгляд Адама полон скепсиса; он знает уже свою судьбу, и не только свою, ибо Ева уже «беременна человечеством» (А. Ларионов).

Дальнейшее знакомство с выставкой, с пентаптихами «Превращение» (1985) и «Семя света» (1988), триптихом «Сон травы» (1987), отдельными букетами и натюрмортами вынуждает согласиться с такой трактовкой прародителей, ибо Эдем Ларионова — это не библейский Эдем, это действительно сказочная и изобильная страна, но она далеко не так благодатна, ибо даже изначально не сулит вечного блаженства и наслаждения (по библии благодать Адама и Евы — вечная изначально — закончилась вмешательством змея-искусителя). Ларионов активно переосмысливает библейскую мифологию, вводя натурфилософские размышления о духовности природы вообще и о женском и мужском началах как основе этой духовности, и далее — о диалектически-противоречивом единстве всего сущего, и если натурфилософия «превращения», выраженная в пентаптихе, как раз и обеспечивает его высокую всепроникаемость, его способность оплодотворять (в самом высоком смысле) природу, все это позволяет говорить о преломлении мира через кристалл поэтической живописи Ларионова, и в этом смысле оба пентаптиха спорят между собой, взаимоуглубляя наше представление о силах, что движут Вселенной в общем и человеком, то есть нами, в частности.

Триптих «Сон травы» развивает мысль о единстве и взаимопревращениях всех форм живого. Пожухлая, «засыпающая» по осени трава — сама птицеподобная — грезит о весеннем пробуждении, о воспарении ввысь, к свету; об этом, о тяге к свету, и мерцание далекой звезды, как искра надежды на весеннее возрождение, и мертвый глаз корня, который как будто зрит внутрь себя, поглощая мерцающий звездный свет.

Я не буду так же подробно говорить о каждой из двадцати одиночных работ, объединенных общим названием «Просто цветы» (1987-88). Замечу только, что они не столь просты, ибо цветы Ларионова — всегда ландшафты неизведанных планет. Сюжеты данного цикла о рождении мира из мрака и света, о его структурном единстве и многоликости отличаются от виденных нами ранее еще большей многообразностью, изысканностью колорита, обостренным драматизмом, все они так или иначе углубляют заглавную тему выставки.

Лишь одну работу хочется выделить особо, я бы назвал ее «Искушение». Массивное (просто физически ощущаешь его плоть) яблоко, подвешенное на нити как отвес, и сдержанно - настороженный букет цветов в изящной по форме вазе. Еще раз убеждаешься, что ты в ларионовском саду Эдема, ибо перед тобой одновременно и библейское и ньютоновское яблоко — искушение к познанию мира... Так сад Эдема находит свое логическое завершение, так художник Александр Ларионов ваяет свою модель Вселенной, что лежит в русле культурных традиций как Запада, так и Востока.

Открывая для самого себя нового Ларионова, убеждаешься, что он остается верен своей теме, теме единства бытия, единства экологии и культуры, только осмысление тем все более конкретизируется и совершенствуется. Особенно удачным представляется возможность знакомства не со всем многообразием творчества гродненского художника сразу, когда одна тема, при всех своих достоинствах, нередко забивает другую, а именно вот такое, постепенное развертывание творческой ленты Ларионова. Сегодня мы знакомимся со второй гранью — флоральными мотивами. Впереди — новые встречи.

А. ГОСТЕВ

6/IV 89

ВЫСТАВКИ

САД ЭДЕМА

Александр Ларионов... Кажется, сегодня это имя уже нет необходимости представлять гродненцам, для которых открытие его творчества состоялось пять лет назад большой персональной выставкой. Затем почти четырехлетний перерыв, во время которого Александра принимали Друскининкай, Шяуляй, Москва и города Подмосковья (в Москве и сегодня проходит его выставка). Летом прошлого года в Республиканском музее атеизма и истории религии прошла небольшая по объему, но весьма содержательная экспозиция пейзажных миниатюр Ларионова «Календарь». Уже по этим выставкам и откликам о них можно судить, что Александр Ларионов понят и принят, что его творчество полюбилось гродненцам, что встречи с ним ждут.

И когда эта новая встреча, наконец, состоялась, когда спешишь в знакомый зал, то самое первое ощущение: ожидание тебя не обмануло. Ты вновь окунулся в чарующий, захватывающий мир фантазии Александра Ларионова, но фантазии реальной, наполненной узнаваемой конкретикой (именно эту улитку ты сам не раз примечал в траве, прогуливаясь по лесу; именно так — настороженно и с любопытством — уставлял на тебя «зрачок-вопрос» незнакомый по названию нежно-розовый цветок). Но это все ожидаемые неожиданности, их впитываешь охотно, наслаждаясь богатейшим колоритом ларионовских букетов (по большей части из сухих, но таких живых, вернее, одухотворенных цветов), вдыхая чистый, ничем не замутненный воздух, насыщающий его работы...

Но уже после самых первых шагов от одной картины до другой начинаешь подозревать, что этот мир не столь прост и однозначен, что художник рассказывает тебе о нем нечто новое, более глубокое и тонкое, незнаемое доселе, постижение мира самим художником продолжается.

И первая же попытка осмысления этого мира наводит на мысль о саде Эдема, о благородном уголке земли, в котором мифические прародители человечества пребывали до грехопадения, в этой мысли укрепляешься, рассматривая диптих, которым, в сущности, открывается выставка, и который так и называется — «Прародители» (1987). Адам и Ева изо-

предметных формах (нежная бабочка-психея, облаченная в шар света, мощные контуры полуфантастических растений), последовательно разворачивает перед зрителем идею о взаимопревращениях животного и растительного миров, о духовных формах этих превращений, то «Семя света», при всей его якобы предметной зримости, дает углубленный анализ духовной микроструктуры бытия, вскрывает субатомный уровень духовности мира, достигается это смелым, на мой взгляд, использованием спектральных полос, несущих здесь не столько декоративную, сколько смысловую нагрузку, ибо именно свет здесь как источник жизни — олицетворение мужского начала, противоречивая, корпускулярно - волновая природа света, кстати, очень удачно и многообразно выраженная в пентаптихе, как раз и обеспечивает его высокую всепроникаемость, его способность оплодотворять (в самом высоком смысле) природу, все это позволяет говорить о преломлении мира через кристалл поэтической живописи Ларионова, и в этом смысле оба пентаптиха спорят между собой, взаимоуглубляя наше представление о силах, что движут Вселенной в общем и человеком, то есть нами, в частности.

Триптих «Сон травы» развивает мысль о единстве и взаимопревращениях всех форм живого. Пожухлая, «засыпающая» по осени трава — сама птицеподобная — грезит о весеннем пробуждении, о воспарении ввысь, к свету; об этом, о тяге к свету, и мерцание далекой звезды, как искра надежды на весеннее возрождение, и мертвый глаз корня, который как будто зрит внутрь себя, поглощая мерцающий звездный свет.

Я не буду так же подробно говорить о каждой из двадцати одиночных работ, объединенных общим названием «Просто цветы» (1987-88). Замечу только, что они не столь просты, ибо цветы Ларионова — всегда ландшафты неизведанных планет. Сюжеты данного цикла о рождении мира из мрака и света, о его структурном единстве и многоликости отличаются от виденных нами ранее еще большей многообразностью, изысканностью колорита, обостренным драматизмом, все они так или иначе углубляют заглавную тему выставки.

Лишь одну работу хочется выделить особо, я бы назвал ее «Искушение». Массивное (просто физически ощущаешь его плоть) яблоко, подвешенное на нити как отвес, и сдержанно - настороженный букет цветов в изящной по форме вазе. Еще раз убеждаешься, что ты в ларионовском саду Эдема, ибо перед тобой одновременно и библейское и ньютоновское яблоко — искушение к познанию мира... Так сад Эдема находит свое логическое завершение, так художник Александр Ларионов ваяет свою модель Вселенной, что лежит в русле культурных традиций как Запада, так и Востока.

Открывая для самого себя нового Ларионова, убеждаешься, что он остается верен своей теме, теме единства бытия, единства экологии и культуры, только осмысление тем все более конкретизируется и совершенствуется. Особенно удачным представляется возможность знакомства не со всем многообразием творчества гродненского художника сразу, когда одна тема, при всех своих достоинствах, нередко забивает другую, а именно вот такое, постепенное развертывание творческой ленты Ларионова. Сегодня мы знакомимся со второй гранью — флоральными мотивами. Впереди — новые встречи.